

ПОТЕРЯННЫЕ ДЕТИ

АЛЁНА
ХОПЕР

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАУН
18+

ПОЛЫНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алёна Хопер

Потерянные дети

«Теория невероятности»

2026

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Хопер А.

Потерянные дети / А. Хопер — «Теория невероятности», 2026

ISBN 978-5-907962-83-5

Россия конца 90-х. Потерявшись в туманном лесу, двойняшки Игнат и Инка оказываются на границе между жизнью и смертью. Чтобы вернуться домой, нужно перенять дар хозяина этих мест – слепого старика, который больше похож на авторитета из батиных рассказов, чем на могущественного стража. Игнат вообще думал пойти к братве, но и на колдуна учиться согласен. Ведь с темной силой можно получить не только дорогие костюмы и часы, но и власть, что заставит всех обидчиков поджать хвост. Инка следует за братом, но ее пугают жестокие испытания и окутавшая лес тьма. Ей не нужны опасные знания – лишь бы вернуться к маме. Но какие планы у колдуна на новых учеников? Ведь не просто так все прежние погибли, не успев повзрослеть...

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907962-83-5

© Хопер А., 2026

© Теория невероятности, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Зеленая, зеленая трава	11
Плач первый	23
Глава 2. Умерли – шумерли	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алёна Хопер
Потерянные дети

Иллюстрация на обложке Ана Награни

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Польнь».

© Алёна Хопер, текст, 2026

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2026

Пролог

13 сентября 1997

В заднем сиденье машины была дырка, а внутри – рыжий поролон. Чтобы отвлечься от тошноты, он ковырял ее – тихонько, лишь бы батя не заметил и не дал леща. Поролон приятно крошился под пальцами и сыпался вниз.

Пока везло. Батя смотрел на дорогу, и с Игнатовых мест виден был только затылок засаженной кепки, а из-под нее – рыжие, как у него, мокрые от пота курчавые волосы. От того, как батины кулаки крепко сжимали руль, сосало под ложечкой, но поролон щекотался, как всамделишный песок, и остановиться было невозможно.

– Ай!

Внутри поролона оказалась острая пружина. Игнат быстро зализал царапину и притих – не дай бог, батя обернется и заметит сиденье.

Сестра сонно ткнула его локтем в бок.

– Не ори.

От духоты и ухабов Инку совсем разматало, и она куксилась еще больше обычного, но, заметив обшивку, встрепенулась и вытаращила глаза.

– Ты теперь точно-точно труп, – горячий шепот неприятно опалил ухо.

Сестра от жары была вся липкая и противная, и, когда она привалилась к его боку, пряча за собой дырку, самому стало еще жарче, но пришлось терпеть.

Игнат терпел и сестру, и жару, и ухабы, и подступающую тошноту, и бесконечную дорогу, и недоступный больше рыжий поролон, и скуку. И терпел, и терпел, и терпел, а когда терпение кончилось и прошла еще бесконечная вечность, машина наконец остановилась.

– Приехали. – Батя, слава богу, смотрел перед собой, а не на них, но костяшки у него побелели. Плохой знак. Кишки у Игната завязались в узел. – Из машины, живо.

Дверь заедало, но Игнат от страха будто стал сильнее: рванул ручку, подтолкнул плечом, и наконец створка открылась. Инка шустро выползла с его стороны, опираясь коленками на сиденье, чтобы не запачкать сандаликами обивку.

Мамка только проснулась и соображала медленно, вылезала долго, неповоротливая, вот ей и досталось по хребтине, но это было ничего, это было немножко. День как-никак особенный. Батя утром ни с того ни с сего вдруг сказал: «Поехали, покажу вам лес!» – и сердце Игната забилось гулко и радостно. В лесу он раньше не бывал.

По телику лес показывали зеленым, красивым и со зверюшками. Но приехали они к кривым березкам и мусорным кучам. Стало до жути обидно, но кукситься было нельзя, потому что мужики не плачут, это в Игната вбили крепко. Вон Инка могла ныть, она же девочка, поэтому она и тянула мамку за юбку:

– Мамуль, а это и есть лес?

Батина рука похлопала сестру по рыжей макушке:

– Это еще опушка, дуреха. Погоди, скоро увидишь лес.

– Да, доченька. – Мамка пригладила распутившиеся косички Инки.

Все-таки сестру любили больше. Игнат насупился и пнул камень в пыли.

Батя сказал, что в лесу они будут жарить шашлыки. Шашлыков Игнат ни разу не ел – только в парке нюхал, но это не считается. С тех пор как мамку выперли из садика, мяском шиковали редко, все макароны и перловка, перловка и макароны. Только жаловаться было нельзя – батя сразу давал леща, хотя сам мамку чихвостил только так. Шашлыки звучали как праздник, и в животе с голодухи заурчало.

Мамка только была странная – все гладила их по головам и плакала.

– Прости, сыночек, – шепнула украдкой, косясь на отца. Губы у нее были белые-белые. За что прости?

В лес их повел батя. Он же и показал тропку, убегающую куда-то в чащу. Сказал, косясь вбок:

– Вы идите направо, а я налево, костер пока разведу, мясо нанижу на шампуры. А вы мне хвороста соберите.

Слово «хворост» звучало странно, сказочно. Собирать хворост было веселее, чем дрова или палки, и Игнат повеселел. Даже Инка перестала ныть.

Они ушли далековато, зато собрали целую кучу этого хвороста. Инка, дура, половину уронила по дороге, но Игнат все подобрал и понес сам. Батя будет доволен. Скажет, настоящий мужик.

Только вот на месте, где батя собрался жарить шашлыки, никого не было. Ни бати, ни мяса, ни костра, ни мамки. Там, где они пошли направо, валялся окурочек от батиней сигареты, примятый тяжелой подошвой. А больше ничего.

Во рту внезапно стало сухо и горько.

– Они, наверное, в машину вернулись зачем-то, – сказал он Инке. – Пойдем скорее, пока не прилетело.

Инка кивнула и бросила ненужный больше хворост в траву.

Он не знал, сколько они с Инкой брели по лесу, который становился все выше и тернистее. Как в сказке, только не в той, где зверюшки поют, а в той, где непослушных детей зажаривают в печи.

Они шли, и шли, и шли, и шли. Любой лес должен где-то кончаться, и уж куда-то да они бы должны были выйти. Но то ли Игнат повел их не в ту сторону, то ли лес оказался больше, чем могло уместиться в его голове, но сколько они ни шли, автострады все не было.

Деревья обступали со всех сторон, закрывали небо узловатыми, как старицкине пальцы, ветками, и куда ни глянь, были только корявые стволы, а между ними – тени.

Инка скулила, что папа заругает, потом плакала, что хочет к маме, потом – рыдала от страха и усталости, глухо и некрасиво, с красными пятнами на шее и щеках. А после замолчала, и это оказалось страшнее всего.

В Инкином угрюмом молчании утешения тонули, как в болоте. Да Игнат и сам перестал верить, что все утрясется. Сдался и лишь упрямо тянул сестру вперед, а та брела за ним, бездумно переставляя ноги.

Сколько так прошло – день, неделя, вечность? Сперва он пытался следить, сколько раз вошло солнце и с какой стороны, потом бросил. Они падали, спали, жевали, как козы, все, что видели и что казалось съедобным, пили сперва из ручьев, потом и из луж, снова падали, поднимались, шли и шли. Игнат тащил Инку за собой все дальше в лес. Все одно делать нечего – только идти хоть куда-то.

Сначала пропал голод, потом и страх. Идти стало легко-легко, будто ноги не касались земли. И когда не осталось ни времени, ни чувств, лес вдруг расступился.

Под ногами захлюпала вода, меж деревьев за клубился туман, а впереди показалась маленькая покосившаяся избушка на высоких, почерневших от влаги подпорках.

На пороге ждал высокий старик в черном пижонском костюме и темных солнечных очках. Настолько дико он смотрелся посреди этой чащи, что даже не казался настоящим – будто только чудился.

Старик хмыкнул и спустился по лестнице, постукивая по ступеням блестящей черной тростью. Лаковые туфли ступили прямо в мокрую от росы траву.

Обратись старик к ним ласково, Игнат и Инка сообразили бы, что дело нечисто: ласковым взрослым они не верили. Замахнись или сделай резкое движение – убежали бы в лес, как испуганные зайцы. Но незнакомец только буднично спросил:

– Жрать будете?

И Игнат и Инка послушно пошли за ним.

И вот чудеса: избушка была так высоко над землей, но стоило им сделать шаг – как они очутились прямо на ее пороге, а деревянная дверь за ними захлопнулась громко, как железная, навсегда отрезая их от мира, из которого они пришли.

Всю дорогу домой женщина давила, душила, хоронила в себе плач. Муж в этот раз молчал, но молчание было опасное, осязаемое, как грозовая туча – набухла, черная, вот-вот прольется, упаси боже.

Прорвало, когда они приехали к серенькой панельке и муж обернулся, чтобы присунуть машину между двумя гаражами.

– Вот ведь черт! Все сиденье, мать его, все сиденье!.. Вот же ублюдок! Знал бы, сам убил бы суку!

И слова лились, лились, лились, как из тучи, и гремели над головой, и можно было только закрыть глаза и просить: Господи, помилуй, Господи, убереги.

Она потом распустила ненужные им больше свитера и носки, связала разноцветную накидку на сиденье. Яркая пряжа спрятала под собой безобразную дыру.

И каждый раз, когда она садилась в машину и видела накидку, грудь сжималась от боли, но и странно спокойно становилось оттого, что дыра остается там.

Как память, как след от ее старшеньких, как грех на душе.

Прости, Господи, прости грешную.

Глава 1. Зеленая, зеленая трава

В избе на потемневшем от старости деревянном столе стояли рисовая каша с изюмом, румяные пироги со сладковатой капустой и яйцом и квас – такой горький, что походил на выветрившееся пиво, которое Игнат тайком дохлебывал наутро после бати. Всего по две порции, как будто кто поставил заранее.

Инка отщипывала пышный несоленый пирог аккуратно, кусочками, а Игнат не жался – набивал щеки, глотал жадно, ронял крошки. Дают – бери, бьют – беги.

Он искоса, исподтишка пялился по сторонам: то на огромную беленую печь с черной заслонкой, то на полки с мутными банками и пыльными пучками сухих трав, то на камин – раньше Игнат такие только в киношках видел. Только там у американских богачей на каминах висели красные носки с подарками – а тут подарочками и не пахло: камин был зловеще-черный с железной резной решеткой. Такой скорее подойдет не Санта-Клаусу, а ведьме, которая непослушных детей жрет. Вокруг камина шла плитка с потемневшим от дыма рисунком. Последнее его добило – кто же плитку прямо в комнате лепит? Это ж не сортир.

Странному старику до них будто и дела не было. Пустил в дом, указал на еду – и потерял к ним интерес. Сел у камина в кресло с высокой спинкой, аккуратно прислонил трость к подлокотнику, достал откуда-то из глубин пиджака трубку, медленно ее набил, разжег и закурил. Солнечные очки он так и не снял, хотя свет едва проникал в комнату через мутные окна. Слепой, догадался Игнат.

Когда они доели и сыто развалились на лавке, старик небрежно махнул концом трости в сторону двери в противоположном конце зала:

– Баня там.

Игнат бы сразу рухнул спать, глаза так и слипались, но Инка подскочила и рванула к выходу шустрее, чем он успел ее ухватить за рукав.

В бане было темно, душно и сильно натоплено, а в углу Игнат заметил пауков – промолчал, чтобы не пугать Инку, а то визгу не оберешься. Хотя он сам бы не отказался полежать на горячих досках подольше, у Инки от жара закружилась голова. Они по очереди ополоснулись – мыться в тазике было не привыкать, так что управились быстро.

В предбаннике нашлись белые длинные рубашки – только вместо пуговиц у горла болтались какие-то завязки. Инка нырнула в такую и утонула в ней до самых пят. Игнат натянул свои штаны – и пофиг, что грязные, он скорее сдохнет, чем в платье будет ходить.

Оба так осоловели от еды и бани, что еле добрались обратно в избушку. Ноги сами свернули мимо печи в спальню с четырьмя кроватями по углам – все как будто по их размеру, не для взрослых. Они рухнули на перины такие мягкие, что лежать на них – все равно что на облаке, если бы только облака царапались куриными перьями.

Игнат уснул сразу, и снилась ему почти целая сигарета, придавленная батиным тяжелым ботинком. Отчего-то маленький пяточек примятой травы и тропинка следов, ведущих обратно к машине, вызвали такую лютую тоску, что он проснулся со слипшимися от невыплаканных слез ресницами.

Наутро их снова ждала горячая, из огромного чугунного горшка, каша с изюмом и пироги. Странного старика нигде не было, но на столе стояли две плошки и две кружки, и Игнат с Инкой приняли это за приглашение к завтраку.

Игнат наелся от пуза, допил несладкий компот и сказал:

– Пошли отсюда. Нехер нам тут делать.

– А говорить тому деду не станем?.. – заикнулась Инка, но Игнат помотал головой.

– Нет. Он нам не батя. Вот еще – разрешения спрашивать.

Прозвучало жестко, *как надо*. Но в груди что-то сжалось испуганно: а если запретит выходить?.. Только вот Игнат бы помер от стыда, если бы Инка узнала, какой он трус.

– Хорошо, а то я его боюсь. – Инка вздохнула и поежилась. – Станный такой... Кто в таком красивом костюме на даче ходит?

Игнат порадовался, что сестру старик тоже напугал, но этого, конечно, он ей говорить не собирался.

– Да он слепощара, очки и палку видела? – Он зажмурился, вытянул руки и зашарил ими в воздухе, пытаясь ухватить Инку за бок и защекотать. Сестра хихикнула и увернулась. Игнат приоткрыл один глаз и сказал небрежно: – И вообще, он же дед! Пусть попробует ударить – я его трость отберу и надвое разломаю!

Инка насмешливо хмыкнула. Обидно – дед-то совсем древний! Но спорить не стала, и на том спасибо. Только поморщилась, меняя чистую ночнушку на свою запачканную одежду. Игнат поддразнил ее чистюлей, хотя, по правде, и сам поежился – штаны встали колом, корка грязи засохла и крошилась, когда он их натягивал.

Черная дверь, откуда они пришли, была заперта. Но белая, в другом конце зала, открылась сразу и вывела их на веранду – тоже всю заставленную какой-то рухлядью и банками. Под пропыленной простыней, правда, угадывалось кресло-качалка – Игнат туда плюхнулся, но быстро потерял равновесие, упал навзничь ногами вверх. Инка хихикнула, но прикрыла рот ладошкой.

– Шею сломаешь, дурак!

– Сама дура! – Игнат забарахтал ногами в грязной простыне, но наконец выпутался и вскочил. – И кресло дурацкое!

Веранда вела во двор, через который они вчера ходили в баню. Инка осторожно спустилась по неудобной приставной лесенке, а Игнат забрался на низкие перильца – те скрипнули, но выдержали – и лихо спрыгнул.

Снаружи изба оказалась совсем мрачной и какой-то кривой. Игнат провел по темным от времени бревнам рукой – на ладони осталась черная слизь. Инка брезгливо повела плечиком: – Гадость.

Разглядывать особо было нечего: бетонный колодец с деревянной крышкой, колючие кусты выше Игнатова роста, трава по колено. В углу примостилась банька с тонкой металлической трубой – там они вчера и парились. Сегодня из трубы дым не шел, уже остыла.

Сразу за стеной баньки начинался щербатый деревянный забор. Видно, кто-то пытался его отремонтировать: новенькие доски белели свежими срубами рядом с черными, полусгнившими от старости.

Уцепившись за края забора, Игнат подтянулся на руках, уперся кедом в штакетину и выглянул наружу. Окрестности скрывал туман, из серой мути виднелись только верхушки деревьев. То ли елки, то ли сосны – Игнат не знал, у них-то на Новый год елка была металлическая, куце покрытая серебристой мишурой.

Оглядел лес вокруг – и не поймешь, откуда они пришли и в какой стороне город. Вроде в противоположной, где черная дверь? Или они сперва обошли избу? Вспомнить никак не получалось. Он еще разок, для надежности, повертел головой и спрыгнул, чудом не занозив ладони.

– Надо найти калитку, куда мы вчера зашли, – велел сестре деловито.

Никакой калитки он не помнил, но ведь не перелезли же они через забор? Нет, Игнат-то мог, но вот Инка бы застряла, как курица на насесте. Сестра неуверенно кивнула.

Они обошли избу и вышли на задний двор. Дыра дырой: какие-то кусты, деревья, трава все еще по колено. Игнат поперся по ней напрямик, надеясь, что топчет не грядки с зеленью – или что они с Инкой свалят раньше, чем старик заметит ущерб.

– Блядь! – он споткнулся об узловатый корень. Почти весь задний двор занимала огромная яблоня с раскидистыми ветками, усыпанными розоватыми, янтарно-прозрачными на солнце яблоками. Он потянулся и сорвал два – себе и Инке.

– Немытые, – поджала губы Инка и спрятала яблоко в карман сарафанчика. Игнат заморачиваться не стал и захрустел так. Яблоко было сладким, с легкой кислинкой. Давно он таких не ел.

За яблоней обнаружилась калитка, и Игнат выдохнул. Значит, вчера просто не заметили, как зашли. Калитка запиралась на ржавый крючок наверху, и, подпрыгнув, Игнат смог его снять. Створка открылась с трудом – распахнуть ее не давала высокая трава за забором. Участок, видно, был совсем диким: от калитки не расходились ни дорожки, ни мало-мальски заметные тропки.

Игнат вышел со двора первым и очутился в густом тумане. Кеды сразу промокли от росы, и он позавидовал Инке в ее сандаликах – ноги-то высохнут быстрее, чем носки. Грязная футболка и джинсы набрались влаги и неприятно прилипли к телу.

Игнат сделал было несколько шагов, но остановился. Туман за забором оказался таким густым, что даже ног не видно. Впереди стелилась сплошная пелена, в которой угадывались темные силуэты деревьев. В желтоватом мареве их узловатые стволы и изогнутые ветки походили на мертвецов, тянущих к нему руки.

И придет же такая жуть в голову. Игнат поежился и услышал Инкин жалобный крик:

– Игнат! Игнат, ты где?!

Голос сестры раздавался как будто отовсюду: и сзади, и спереди, и справа, и слева.

– Игнат, я ничего не вижу! Игнат!

Игнат похолодел, представив, как Инка бредет все дальше в туман и теряется в лесу.

– Стой где стоишь! – заорал он. – Ты кричи, а я сам тебя найду!

В ответ Инка только захныкала. Несколько мгновений он бестолково метался туда-сюда, пока вытянутые руки не коснулись чего-то теплого. Инка завизжала.

– Да тихо, дура, это ж я!

Сестра вцепилась в его пальцы так сильно, что даже стало больно. Из тумана выступили сперва зеленые глазищи, только потом стало видно веснушки на щеках и носу, все как у него. Инка сама вся – как его зеркало. Или он – как ее, только он – зеркало кривое, неправильное. Мамка говорила про Инку: «красивое личико». А про него батя говорил, что такая рожа сама кирпича просит.

– Ну ты чего как жаба выпучилась? Тут я, – сказал он Инке, чтобы успокоить, но та плакать не перестала. – Пошли обратно, в таком тумане мы в лесу только опять потеряемся, – решил Игнат, когда сердце перестало колотиться как бешеное. – И руку мою не отпускай, поняла?

Инка только всхлипнула и вцепилась в него еще крепче.

Вернувшись в избу, они бросились к столу – от пережитого страха на обоих напал волчий голод. А наевшись, обшмонали, перетрагали и перетрясли все, что не было приколочено или заперто.

Странное дело, изба, такая маленькая снаружи, внутри оказалась просто огромной. Обе наружные двери, белая и черная, вели в просторный зал. Камин с креслом располагались на одной его стороне, печь – на другой, а длинный тяжелый стол – посередине. Ни лака, ни краски на дереве не осталось, но оно было зеркально гладким – наполированное локтями многих поколений едоков.

От зала по разные стороны расходились два длинных темных коридора: один вел в ту комнату, где они с Инкой ночевали, а второй заканчивался запертой дверью. Дверь была богатая: аж в три пальца толщиной, даром что из дерева, и вся узорчатая. За такой только золотишко и хранить. Но серебряная ручка не сдвинулась вбок, даже когда Игнат, пыхтя, уперся ногой в стену.

– Сломаешь, дурак. – Инка, обведившая пальцем выпуклые козлиные рожи на двери, скоро сдулась и струсила. – Пошли отсюда, пока тот дед не вернулся!

При дневном свете их спальня напоминала что-то из мамкиных сопливых фильмов: не то комнату в пионерлагере, не то чью-то дачу. Перины на всех четырех кроватях были тяжелыми и пуховыми, одеяла – плотными, а подушки стояли уголком вверх и походили на печальных лебедей, уплывающих в туман за окном. Кровати Игната и Инки выбивались из стаи: их незастеленные покрывала свисали на пол, как крылья подранка. Ни шкафов, ни тумбочек – ничего больше в спальне не было.

– Даже зеркала нет, – вздохнула Инка, присаживаясь на кровать. Она разделила пальцем рыжие волосы на неровный пробор и начала на ощупь заплетать косу. – Глянь, Игнат, петухов нет?

– Нет, – не оборачиваясь сказал он, вороша подушки и матрасы – самое ценное известно где прячут. Только, кроме порыжевших от старости панцирных сеток, ничего не нашел.

– Да ты даже не посмотрел!

– Ты тут и так самая красивая, – буркнул он.

– Потому что тут других девчонок нет. Тут вообще только ты и тот стремный дед. – Инка фыркнула, но фыркнула довольно и косу оставила в покое. – Ой, смотри что!

Игнат подошел ближе. На самом краю Инкиной кровати, там, где бок упирался в стенку, ножом было выцарапано: «Петр, 39».

– Карлик, что ли? – Игнат пожал плечами. На его кровати никаких следов не было, кроме желтоватого пятна по низу простыни, о происхождении которого он решил не задумываться.

Они еще немного побродили по избе, заглядывая во все встречавшиеся им углы и шкафы, но все там было старым, пошорканным или сломанным. Наверное, на дачу годами свозили всякую рухлядь. Ничего ценного им не попало, одни старые книжки на незнакомом языке – может, и антиквариат какой, только куда его толкнешь? Правда, Игнат нашел на печи прикольный коровий череп, а Инка прихватила с вешалки цветастую шаль, в нее и обернулась.

Старик показался днем. Открыл черную дверь и, размеренно стуча тростью, прошел в зал. Провел рукой над столом, качнул опустевший глиняный кувшин из-под компота, удовлетворенно кивнул сам себе.

Видимо, какие-то остатки зрения он все-таки сохранил: повернул голову и внимательно посмотрел прямо на открытые дверцы шкафа, барахло из которого Игнат с Инкой выволокли на пол и не успели запихнуть внутрь. Игнат напрягся и заслонил собой сестру. Будет ругаться? Ударит тростью? Погонит из дома? Но старик только пожал плечами:

– Зря старались, воровать тут нечего. – И добавил не без ехидства: – Оставайтесь, гости дорогие, раз уж начали хозяйничать.

Пока Игнат соображал, что ответить, дед развернулся и скрылся в коридоре – том самом, куда они ломились утром, но так и не смогли попасть. В отдалении со скрипом отворилась и захлопнулась тяжелая дверь.

Игнат с Инкой переглянулись в недоумении.

– Ну, еще разок пожрем, поспим, а наутро свалим, – сказал наконец он. – Попросим деда показать дорогу или сами найдем, как туман развеется.

Сестра кивнула с сомнением и протянула:

– Шмотки бы еще постирать, а то воняют – жуть.

А на следующее утро туман от леса подкрался прямо к избе, да такой густой и плотный, что переваливался через забор, как тесто через край. Куда в такой пойдешь? Игнат с Инкой сговорились остаться еще на день. А потом – еще на один.

Чем дольше они оставались, тем больше и страшнее казался лес за туманом и тем уютнее и теплее становилась изба. Игнат привык к мягкой кровати, к тому, что на столе всегда ждет горячая еда и в любой момент можно наложить добавки. И что никто не шипит:

– И куда в тебя, глисту, столько вмещается?

Игнат приловчился набирать воду из колодца и греть ее в железном ведре на раскаленных камнях в бане. Огонь в камине пощелкивал и потрескивал, как барахлящее радио, но совсем не бесяче. В избе пахло не как дома, кислым и резким, а тянуло сладковатым дымком из печи и травами со стен. Ради этого можно было смириться даже с сортиром на улице.

Но мысль о том, что нужно идти дальше, возвращалась – назойливо, как комарье, когда он распахивал окна спальни в душную летнюю ночь.

Игнат лежал на мягкой перине и представлял, как они с Инкой выходят из леса на оживленную дорогу и машут с обочины. Представлял, как останавливается машина, как их подвозят добрые дачники, как они звонят мамке и говорят, что они тут, потерялись в лесу, но нашлись и их надо скорее забрать домой.

Игнат представлял мамку, утирающую слезы, и чуть не плакал сам. А потом в голове появлялся батя – батя до вечернего стаканчика, злой и нахмурившийся, с *тем самым* наклоном головы и словами, медленными, будто каждому приходилось протискиваться сквозь зубы:

– Эт-то ты что, выпердыш кровавый, нам с матерью устроил? Сбежать думал?

Игнат жмурился и поворачивался на другой бок, закрывая голову подушкой. Он говорил себе, что завтра, обязательно завтра туман рассеется и они с Инкой уйдут. Все у них будет хорошо: и мамка, и батя будут рады, когда они вернутся домой. Может, в этот раз даже по-настоящему устроят шашлыки. Наверняка устроят.

Ночами ему снилась недокуренная сигарета с отпечатком тяжелого ботинка. На ветру шелестела яркая до рези в глазах, зеленая, нетронутая трава, и он снова неведь почему просыпался в слезах.

Но туман никак не рассеивался, и старика Игнат с Инкой больше не видели. Только по еде, исправно появлявшейся на столе, плащу и зонту, то сохнувшим у порога, то пропадавшим, да по шагам и кашлю за стеной могли догадаться о его присутствии.

Либо тот жил по причудливому стариковскому расписанию, с их никак не совпадавшему, и уходил куда-то ранним утром или поздней ночью, либо просто не желал с ними возиться. Сколько бы они ни стучались к нему в дверь, ни кричали под окнами и ни караулили у порога или у печи – так его и не видели.

С каждым днем отсрочки узел в груди Игната будто распускался и дышать становилось легче. Они уйдут, они обязательно вернутся домой... Просто не сегодня. Он старался игнорировать тихий голос, который откликался эхом: «*Слава богу, не сегодня*».

Вслух Игнат рассудительно повторял самому себе и Инке, что им нужно просто подождать. Когда старика удастся поймать, они попросят отвезти их в город или хотя бы указать путь. Или вот уйдет туман, и тогда они с Инкой сами поищут тропинку за забором. Она ведь обязательно должна быть. Как-то же живет тут старик, куда-то уходит, откуда-то же берется еда на столе.

Инка постирала свою одежду и хранила под периной, чтобы не мялась. А он как закинул однажды кеды в бурьян, так потом и не нашел. И не искал – лето было теплым, трава во дворе – мягонькая, как новенький ковер на стене, ходить босиком оказалось даже приятнее.

Их жизнь в избе становилась по-хорошему тихой и сонной, как на каникулах у бабушки в деревне – свою бабушку Игнат не помнил, да и в деревне никогда не бывал, но в рекламе по телику все показывали именно так. Просыпаешься – за окном зелено, на столе вкусная еда, и делать ничего не нужно, знай только спи да ешь.

И Игнат спал вволю, и ел пироги и каши с разваренным до волокон мягким несоленым мясом, и пил медовый яблочный компот и терпкий квас. А когда уставал есть – выходил во двор, забирался на яблоню и срывал кисло-сладкие яблоки прямо с веток, а когда уставал грызть – лежал на траве и смотрел в небо, на облака.

Инка пристраивалась рядом и рассказывала что-то с бесконечными подробностями. То что облако похоже на единорога, блин, у него оторвался рог, как-как, жопой об косяк, ветер часть облака сдул, теперь осталась лошадь, балбесина! То как ей снилась Барби Малибу, то как она видела какой-то цветок и надо веноч сплести, но цветочков мало и их рвать жалко, завянут, а вот бы веноч не пожух, а сохранился, как листья в гербарии. Игнат кивал лениво, соглашаясь насчет единорога, и Барби, и венка, и цветочков. Лежать бы и слушать, как шумит ветер, и смотреть, как Инка беззаботно болтает, перескакивая с темы на тему. Такая мирная она все меньше походила на него и все больше – на мамкины красивые фотки в молодости.

Хотя в избе не было никаких развлечений, отчего-то не хотелось ни кина, ни игрушек, ни даже футбола с пацанами. Слова-то знакомые, только выцветшие. Будто картинка на экране – плоская, но привычная, как кино на СТС в двадцать один ноль ноль.

Сколько они так провели в избе, неделю, месяц, больше? Когда были пирожки с капустой, три дня назад или два? А вот Инка уснула под яблоней – вчера точно, и, кажется, еще пару дней назад, и до того раз... Дни походили друг на друга, и все они сливались в один, бесконечно долгий и сладкий, как послеобеденный сон.

Ничего не менялось, кроме тумана: он то прятался между деревьев, то укрывал двор серой пеленой до самых окон.

Игнат потерял счет времени, а постепенно незаметно для себя самого стал терять и воспоминания. Сперва забыл, на какой машине они приехали – батя на выплаты с армейки взял шикарную девятку, это он знал точно, только вот чем девятка отличается от шестерки, припомнить так и не смог, хотя раньше точно знал разницу.

Потом забыл цвет обоев на кухне. Коричневые? Желтые? А может, просто крашеная стенка? Или, может, фотообои? Хотя нет, модные фотообои с водопадом были у кого-то другого...

Из памяти ушло теплое воркование в старой голубятне, где он прятался от бати в дни получек. Он забыл школьную учительницу, угостившую его однажды зефиром в шоколаде. Забыл математику и русский. Забыл, как трясется дверь в ванную – аж крючок подпрыгивает в пазу. Забыл, затолкал в недра памяти постыдные мокрые рейтузы, сопли кровавыми пузырями, бесполезное *«пожалуйста, не надо»*, отчаянное *«я буду хорошим»*.

Воспоминания утекали сквозь пальцы, как песок, а он сам разжал кулаки, не пытаясь их удержать.

И чем дольше они оставались в избе, тем сложнее было представить ту далекую жизнь: что он куда-то спешил, от чего-то бежал, чего-то хотел... Только иногда по-прежнему снились недокуренная сигарета и высокая, ослепительно зеленая трава, и от этого тоскливо сжималось в груди. Но спокойное, размеренное бытие убаюкивало, и тревога на время унималась. Кажется, Игнат что-то хотел? Должен был что-то сделать?.. Он хмурился, пытался вспомнить, но мысли разбредались.

Яблоки были сочными, трава – нежной и зеленой, рисовая каша с изюмом – рассыпчатой. И так день за днем.

Но однажды ночью Игнат слез с яблони, задрал голову, чтобы посмотреть на яркие, близкие звезды, а из кроны вместо яблок выглянули человеческие черепа с горящими глазами.

В страхе он заорал, а черепа расхохотались в ответ.

Сон приносит море огней, шум бальной залы и ехидное, отвратительно молодое лицо тонкоусого поручика, шепчущего своей даме: «Ах, ma chérie¹, это не графский сын. Один взгляд ваших ясных глаз на его обличие... Щенка дворовой суки не спутаешь с борзой».

Воспоминания дней столь давних, сколь и мучительных. Он проводит по волосам, почти ожидая коснуться тугих золотых кудрей, что носил в детстве. Какая глупость. Пальцы убирают со лба взмокшую длинную прядь, гладкую и совершенно седую.

Сон покидает его, но призраки прошлого... о, призраки прошлого никогда не уходят так быстро.

«И выдумал же граф рядить ублюдка в бархат».

Он надевает белоснежную рубашку и застегивает серебряные запонки на манжетах. Левое запястье обнимают часы, правое – серебряная цепь.

«Ах, mon cher, сюртук на дворне... Как на корове седло – так ведь, кажется, говорят в народе?» – голос у поручиковой дамы высокий, а смешок манерный и жеманный.

Пиджак стискивает плечи плотным доспехом, и ладные его линии вычерчивают фигуру в неверном лунном свете, будто обводят свинцовым карандашом.

Он натягивает кожаные перчатки и надевает тяжелые перстни поверх – методично, один за одним, словно вкладывает патроны в обойму револьвера. И когда он прикалывает к черному шелковому галстуку серебряную брошь, голос его снова спокоен:

– Тебя, голубчик поручик, убили на нелепой дуэли, и двух лет не минуло. А ты, ma chérie, умерла в третьих родах. Дети твои умерли. Внуки – бежали из страны и... как там говорят в народе?... Сдохли в канаве. А вот я, как видите, жив.

Зеркало отражает черный костюм, и сидит тот, как всегда, безупречно.

А вот за окном опять творится какой-то бардак – в саду только что раздался отчаянный визг. Неужели?..

– Гляньте-ка, кто глазки открыл! Салют, соня!

– Убирался бы ты отсюда, малец!

– Проваливай, проваливай, проваливай!

Череп наверху визжали и хохотали, клацали зубами и раскачивались – того и гляди сорвутся с веток, свалятся на голову.

– А-а-а! – Игнат взвыл от ужаса, пригнулся и попятился – поворачиваться задом к черепам он побоялся, вдруг укусят? – Мама!

– Не мамкай! – пробасил самый крупный череп. В глазах его плясали алые огоньки. – Ишь! Такая детина-дубина, а все мамочку кличет!

– М-м-ма... – Зубы от страха клацали не хуже череповских, и Игнат решил: плевать, пусть кусают! – развернулся и рванул к дому, но не успел пробежать и пары шагов, как что-то шершавое, колючее схватило и дернуло его за лодыжку. Он приложился подбородком об землю – больно прикусил язык и только поэтому не заорал, а замычал в ужасе, когда корни яблони поползли к нему, извиваясь и переплетаясь, как змеи.

Игнат задержался – яблоня держала крепко. Тогда он пнул корень свободной пока ногой. С корня сперва посыпалась земля и труха, а затем тот соскочил, и Игнат заехал себе же по лодыжке и взвыл от боли.

¹ Mon cher, ma chérie – «мой дорогой», «моя дорогая» в переводе с французского языка.

– Ай!

Корни вдруг взвились, опутали обе ноги, и руки, и шею и потащили его вниз, под землю.

– Пустите, суки! – заорал Игнат, но рот забился землей, заворчалось-завертелось что-то мерзкое, склизкое – не иначе, червяки.

За оградой защелкало, заскрипело, завывало – голодно и радостно, и Игнат понял, холодея: ему хана. Закопают и сожрут. Сожрут и закопают косточки. Сожрут, и косточек не останется.

– Попался, дуралей! – захохотали черепа. – Надо было бежать, пока мог! Сейчас-то мы тебя и...

Хлопнула об стену дверь избы.

– А ну цыц, – сказал старик негромко, но Игнат отчего-то услышал – даже через гам, крики и вой.

И разом стало тихо.

Корни втянулись в землю, черепа замерли, и даже червяк выполз из Игнатового рта и вывалился в траву. Игнат закашлялся, перевернулся и встал на четвереньки, затряс головой, сплюнул. Оглянулся через плечо: яблоня стояла недвижно, только листики мелко тряслись, как от страха. Игнат посмотрел на землю – ровнехонькая, ни корешка не видно.

– Что за... – пробормотал он, но тут его подхватили за плечо и подняли на ноги – легко, как котенка.

Перед ним стоял хозяин избышки – одетый, будто и вовсе не спал, и в солнечных очках, хотя ночь на дворе. Вгляделся черными стеклами в Игнатово побелевшее лицо и трясущиеся губы и усмехнулся:

– Вот так удача. Я было думал, уже не проснешься.

– Это чего сейчас было? – хотел было спросить он, но губы не слушались. Он смог выдать только жалобное «э, э, э...» и сам на себя разозлился. Распустил юни!

Запоздало подумалось: кто же это тогда такой, если его эти страшили испугались? Может, тоже тикать пора? Но старик вел себя ровно, без напряжения: будто что ему чертовщина во дворе, что Игнат в земле – пшик пшиком, чисто мухи над говном прожужжали.

– Да не трясись ты так, – презрительно хмыкнул старик. Очки у него были совсем непрозрачными. Глядеть в них – что спускаться в подвал без света. – При мне не сунутся, побоятся.

И только к яблоне повернулся – а с той аж листья посыпались. Нехило, подумал Игнат и сплюнул на землю – ну так, в знак уважения. Сплюнул и испугался: а вдруг корни снова вылезут?

Земля осталась ровной. Видать, старика и впрямь тут боялись.

– Портки подтягивай и сопли вытирай. Разговаривать будем, – сказал старик и повел его обратно в избу, мягко придерживая за плечи: не то чтобы тот не свернул шею в темном дворе, оказавшемся вдруг вдвое больше и запущеннее, не то чтобы не сбежал.

В избе Игната усадили на табуретку у камина. Он было хотел по пути уцепить кувшин со стола, во рту до сих пор стоял мерзкий привкус земли, но старик легонько шлепнул тростью по руке:

– Хватит с тебя живой воды, – и достал из-за пазухи серебряную фляжку.

Игнат отпил, горло обожгло, и он закашлялся – зато пропал мерзкий вкус во рту. Кажется, вообще все вкусы пропали, так продрало глотку. Старик забрал фляжку и тяжело опустился в кресло.

– Достаточно. Сколько тебе лет-то, семь, восемь?

Сердце до сих пор заполошно билось о ребра, а пальцы дрожали. Игнат вытер губы рукавом, буркнул:

– Одиннадцать.

– Значит, взрослый. В мое время в такие годы уже в поле работали. – Старик покрутил фляжку в руках и тоже сделал глоток, брезгливо протерев перед этим горлышко платком. – Звать тебя как?

– Игнат.

– Игнат... Хорошее рабоче-крестьянское имя. Тебе в самый раз, – с удовольствием произнес старик, и Игнату нестерпимо захотелось в ту фляжку плюнуть. – Ну что, Игнат, хочешь стать моим учеником?

Слово «ученик» неприятно напоминало о школе – и о том, как там относились к тем, кто от страха плакал и звал мамочку. Теперь, под защитой деревянных стен, ему стало стыдно за себя. Испугался какого-то дурацкого дерева!

– А вы вообще кто? – Игнат постарался развалиться небрежно, как батя: ноги пошире, локти на коленях. Вот уж кто бы этим черепушкам по зубам надавал! Старик только улыбнулся. Блеснули на удивление крепкие и белые зубы.

– Можешь пока считать, что я колдун.

– На лоха разводите? – Игнат оскалился как можно недружелюбнее. Учителя эту его улыбку ненавидели.

– Будешь дерзить, обратно во двор вышвырну, – лениво пообещал старик, и Игнат притих – даже коленки поджались сами собой. Старик усмехнулся и покачал головой. – То-то же. Ох, дите ты еще глупое... Настоящая власть не так впечатляет, как балаганные фокусы, да? Ладно. Будет тебе фокус.

Старик небрежно поднял руку. На кончиках пальцев заплесало пламя. Он раскрыл ладонь, и пламя обернулось алой розой. Роза стала яблоком, старик сжал кулак – и оно осыпалось пеплом. Пепел, кружась, упал на колено Игната. Он зачем-то потер серые хлопья пальцем – на джинсах остался жирный черный след.

Будь он поумнее, он бы понял, как старик уgomонил черепа и как провернул этот трюк. Может, в воду чего подсыпал, а розу прятал в рукаве или еще где. Игнат сам в цирке не был, но пацаны базарили, что там понарошку даже людей пополам пилят – а лохмандеи всякие ведутся.

Будь он поумнее, не поверил бы и заспорил бы, что магия бывает только в сказках, а он уже взрослый, чтобы в них верить.

Ему правда надо было испугаться. Схватить Инку и бежать, бежать подальше с этой странной дачи, где вместо яблок на дереве растут черепа, а корни затягивают людей под землю.

Только вот Игнат не был умным, он это про себя давно выучил. *«Ты же идиот, бестолочь, жертва порванного презерватива. Вырастешь – станешь алкашом да подохнешь в канаве или сядешь, там таким, как ты, самое место...»*

По чесноку, его мозгов все равно не хватило бы, чтобы понять, как старик проворачивает такие фокусы и почему его все боятся. Боятся – это ведь главное. Боятся – значит, сильный.

Поэтому он выбросил из головы тупые вопросы «Как вы это делаете?», «Магия правда бывает?» и «Почему я?». Он это хорошо умел чувствовать – когда в вопросах нет смысла, особенно в последнем. Почему – да потому что. Огонь стал розой, а яблоко – пеплом. Старик – колдун.

В конце концов, важно было совсем не это. А то, что в избе мясо – каждый день. Что у старика дорогуший костюм и ботинки, и даже фляжка – серебряная, тяжелая, а пахнет от нее не сивухой, а чем-то хлебным и шоколадным.

Игнат умел расставлять приоритеты.

– Я вообще к браткам собирался податься. Чтоб как батина крыша на рынке, уважаемым человеком, – ответил он наконец и поднял голову: понял старик, что имеет дело с серьезным пацаном, а не со ссыкуном каким? Мало ли чего там во дворе было. Ну, засуетился. Но так-то он по жизни марку держит. Тот молча пялился на него черными стеклами. – Но мне в целом

похрену, кем идти и что делать, лишь бы бабки были. Мне ведь сестру поднимать, пропадет без меня, дура. На этом твоём колдовстве можно заработать?

– Однако... – Старик по-птичьи наклонил голову набок.

Игнат уставился в пол перед собой. И зачем он признался про бандита? Вот Инка всегда знала, что умное сказать. А он брякнул как есть, дебил. Темное пятно от сучка на досках напоминало не то волка, не то зайца в дрожащем свете от камина.

Старик еще долго и непонятно смотрел на него. А затем, видно, принял какое-то решение.

– Что ж, это даже очаровательно в своей непосредственности, – сказал он – самому себе, потому что Игнат ничего не понял.

– Чё?

Старик вдруг ухмыльнулся, весело и широко:

– Похрену так похрену, Игнат. Не переживай, жизнь ты сможешь вести вполне, – он поправил рукава рубашки, и словно напоказ полыхнули в свете огня серебряные кольца, часы и запонки, – комфортную. Лучше, чем была твоя, уж не обессудь за прямоту. Деньги, женщины, уважение – все, чего желал, будешь иметь в избытке.

Щеки Игната залились жаром, когда старик сказал про женщин. От слова сладко пахло духами, лаком на выветренных кудрях, ментоловыми сигаретами – такие курили девки, что ждали братков у машины, переминаясь на тонких шпильках в своих коротких джинсовых юбках. На Игната они смотрели вскользь, со снисходительными смешками, от которых воздух в животе становился горячим.

– Я же не за-ради шлюх... – буркнул он, пытаясь скрыть и вспыхнувший румянец, и жадность.

– Нет. Конечно, нет. Мелкий ты еще для такого, – обидно усмехнулся старик и вдруг наклонился вперед. – А что, если я пообещаю тебе еще и силу? Настоящую. Таковую, что никого не будет тебя сильнее. Не ты будешь бояться, а тебя. Хочешь?

Игнат растерянно посмотрел вниз. Руки в цыпках и царапинах, пальцы тощие, длинные, девчонки в классе говорили – «паучьи». Слабые руки, не способные ни бить, ни защищаться. Не похожие на батины. Он сжал и разжал кулаки, представляя, как вальяжно выходит во двор, как старик, и зажигает на ладони огонь, и как дерево с черепами охватывает пламя. Представ- лять это оказалось очень приятно.

– И чё, прям все будут бояться? – голос подвел и дал петуха.

– Всё живое и мертвое, – спокойно и даже как-то торжественно ответил старик.

Игнат помолчал еще немного. Бесплатный сыр только в мышеловке, говорил батя, а батя херни не скажет.

– И чего от меня надо? – Игнат вспомнил, как мамка читала из маленькой кожаной кни- жицы, и прищурился. – Душу вам продать?

Старик усмехнулся:

– Ишь... Нет, я души не покупаю. Да и твоя, будем честны, стоила бы недорого. У ученика свои долги.

Он замолчал и молчал до тех пор, пока Игнат не отлепил наконец взгляд от пола и не посмотрел в глаза за темными очками, снова чувствуя, словно падает в ледяной подвал.

– Повинуйся слову моему, не нарушай запретов, что наложу, – медленно продолжил ста- рик, будто слова были такими древними, что каждое приходилось доставать с полки. – А когда настанет срок – забереешь мою силу и все, чем я владею. – И добавил, усмехаясь, совсем другим тоном, будничным: – Иначе посажу в печку да сожру.

Игнат засмеялся, хотя шутка была несмешная и волоски на шее поднялись дыбом.

– Короче, делать что скажете и без базара? – Батина крыша потребовала бы того же самого, а значит, не страшно. Жаль, тут ствола не дадут. – Если так, то я в деле.

Игнат вспомнил братков и протянул ладонь. Старик, помедлив, пожал ее:

– Да будет так, ученичок. Впредь зови меня Наставником.

Хватка его оказалась неожиданно крепкой, будто в руку вцепился хищный зверь, а ногти – длинными и острыми. Игнат сморгнул выступившие слезы, высвободил ладонь и спохватился запоздало:

– А Инку тоже возьмете? Я без нее никуда.

Старик, как будто вспомнив, посмотрел в сторону коридора, где за закрытой дверью спала сестра.

– Что ж, я уже понял, ты парень серьезный, сестру не бросишь. – Старик... Нет, поправился в мыслях Игнат, Наставник тяжело вздохнул. – Что же, раз без этого никак, тогда и ее возьмем, и ее научим... В тебе, правда, есть потенциал, дерзость – а без нее хорошим колдуном не стать. – Игнат приосанился на своей табуретке. – Но ничего, если не совсем дурочка, то и сестра тоже освоит что-нибудь. Вы погодки?

– Близнецы, – ответил и поспешно добавил: – Я старше, так что типа главный. Инка тоже будет учиться, я уж прослежу! Я за сеструху отвечаю.

– Двойняшки, – на неподвижном, будто деревянном лице Наставника медленно появилась улыбка. В очках отразились угли из горящего камина, и казалось, будто в глазах полыхнуло пламя. – Значит, решено... Оба пойдете в ученики.

То-то Инка наутро обрадуется.

Плач первый

15 сентября 1997

А муж все повторял, и повторял, и повторял, но слова сыпались горохом в одно ухо и высыпались в другое, и все, что оставалось в глупой ее голове-решете, – что Пашенька злится, что Пашенька недоволен. Она сжалась, стиснула ладони между коленями, чтобы занимать как можно меньше места на табуретке, пока Пашенька сердито мерит их кухоньку шагами, как тигр в тесной клетке.

– Тебе сколько раз повторять? Идешь к ментам, говоришь, дети пропали в лесу. Убежали, заигрались. Ты побежала их искать, сама-дура-без-мужа, и тоже заблудилась – еле вышла обратно. Детей до сих пор нет. Никто из местных их не видел. Леса опасные, болотистые, не дай бог сгинут! Так и скажешь там, поняла?

Говорил Пашенька гладенько, бойко. Так у Ниночки-сменщицы машинка «Зингер» клала строчку – ровненько, споренько, иголочка ткань тыр-тыр-тыр-тыр-тыр, без малейшей ошибки. Ниночка, храни Господь ее добрую душеньку, все порывалась и ее научить, будешь, мол, по журналам и себе, и детям одежки шить, так дешевле.

Она однажды, еще пока Пашенька служил, дала себя заболтать – пришла в гости к Ниночке, села за машинку, вмиг оробев и от черного лака, и от ярких маков на нем. Ниночкины ловкие ручки порхали то тут, то там, поправляя нить, и от этой невыносимой легкости и ее объяснений она только еще больше растерялась. Строчка выходила вся кривая, а едва она подняла ткань – все расползлось. «Нижнюю катушку-то не закрепили!» – ахнула Ниночка и засмеялась, такой у нее был веселый характер тогда, что она все хохотала, даже когда плакать стоило. Это потом она ушла из садика, и звать себя стала не Ниночка, а Нинель, и больше перешитых платьев не носила, прости, Господи, душу ее пропащую.

Опять мысли невесть куда загуляли, голова ее пустая, а Пашенька стоит, смотрит и дышит уже нехорошо, через стиснутые зубы. Ох, боженьки... Но она знала, знала про себя наверняка: каких бы умных слов ни сыпал перед ней муж, когда она придет в милицию, все вывалятся из головы. Расползется их ложь, как ее юбка злосчастная, разойдется по ниточкам.

– Пашенька, а может, ты сам им все скажешь? У тебя же всяко складнее получится, – попросила примиряюще. Так ведь и правда было бы лучше.

Напортила только, дура.

– Совсем мозги потеряла? Мне – да в мусарню? – Пашенька треснул кулаком по холодильнику так, что икона Богородицы подпрыгнула на своем главном месте и сердце обмерло от грохота и страха. – Зайти не успею – свои же и снимут. Решат, в стукачи подался! Ту-па-а-ая, господи, какая же тупая!

– Икона, Пашенька! Чуть не разбилась! – Вдруг стало ясно: знак это был Божий. – Нельзя нам, Пашенька, милиции врать! Грех это, нельзя грех на душу брать...

Муж наклонился и положил ей на плечи обе руки, но они, прежде ласковые, легли сейчас тяжело. Он наклонился к ней, заслоняя и холодильник, и кухню, и печальные глаза Богородицы на иконе.

– Грех у тебя на душе будет, Маша моя Марусенька, если мусора тебе не поверят. – Муж понизил голос и зашептал на ухо, но вместо жара по коже пробежал могильный холод: – Тогда и меня, и тебя, и Игната с Инкой заживо в землю закопают. Это если повезет. Рассказать тебе, как Смотрящий² наказывает тех, кто его подводит? Опознать даже по зубам не выйдет, потому что сперва все вырвут наживо. А с Инкой еще и шестерня поиграет сперва, девка-то у нас красивая выросла. – Она обмерла, и теперь мужнины руки не пригибали ее к земле, а держали, не давая свалиться ни со стула, ни в обморок. Слова все сыпались, теперь не гороховые, а свинцовые – каждое рвало душу в клочья. – Так что запоминай, дура. Запоминай накрепко, и не дай твой боже тебя опять в мусарне развернут. Нет у нас времени на их «через три дня приходите» – я уже на счетчике. Хоть вой, хоть на коленях стой – а чтобы завтра утром весь город знал, что у Ржавого дети пропали. Тогда только, может, у Смотрящего хоть пару дней отсрочки выторгую. Потому как, Марусенька, если Смотрящий да подумает, что я его, как лоха последнего, кинуть решил... Все тогда в землю ляжем. Отмаза мне нужна, и отмаза железная. Поняла, дура?

Ее так трясло, что муж, видимо, счел это за кивок и отстранился, возвращая и свет, и кухню, и печальные глаза Богородицы, и от ее ласкового грустного взгляда слезы хлынули рекой.

– Прости меня, грешную, – прошептала она. – Я за-ради детей...

² Из криминального жаргона. Человек, которого уголовные авторитеты назначили контролировать определенную область, например город или район. Смотрящий следит за соблюдением правил, решает конфликты, распределяет деньги.

Глава 2. Умерли – шмумерли

Наставник совсем не походил на бату и его друзей. Сколько Игнат помнил бату, тот носил спортивный красный костюм на белой молнии, иногда надевал мягкую кепку, волосы стриг коротко, по-армейски. На груди у бати раньше висел крестик на золотой цепочке, подаренный мамкой, а потом цепочка порвалась, и крестик он снял.

Наставник же был увешан серебряными цацками, что баба, – вот тебе и перстни, и цепки, и сережка в ухе, – и седые волосы тоже носил по-бабьи длинные, в хвосте, и ходил в черных костюмах и узких темных очках, как из американского кина. Если бы не седина, ни за что не сказать, что уже дед, – был он высоким, крепким и жилистым, а двигался быстро и ловко, несмотря на слепоту.

И отчего-то в присутствии Наставника становилось страшно до усрачки – странно, ведь он не матерился, не орал и пальцем Игната не тронул. Глаза за черными стеклами смотрели спокойно и внимательно, но словно насквозь, будто за спиной Игната всегда было что-то интереснее, чем он сам.

В то утро Наставник сел в кресло, раскурил трубку и жестом указал перед собой. Игнат расселся прямо на полу, греясь у камина, а Инка принесла табуреточку и неловко пристроилась на краешке. Она так и ходила в шали, которую взяла без спроса, но старик только мазнул по ней взглядом и забирать шаль не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.